

МОЙ
СТРАШНЫЙ
4-Й КУРС

Элина Стрижова

Элина Стрижова

Мой страшный 4-й курс

«Автор»

2026

Стрижова Э.

Мой страшный 4-й курс / Э. Стрижова — «Автор», 2026

Если бы вам предложили вместо диплома отучиться всего на один семестр дольше, вам бы показалось это простым путём? А если в корпусе пропадают студенты? У Алёны достаточно долго получалось игнорировать все подозрительные знаки после последней пары и даже находить дорогу в тёмных коридорах. Всего одна цель: доучиться через страх, странные правила, помехи и не стать одной из бесследно исчезнувших друзей.

© Стрижова Э., 2026

© Автор, 2026

Эллина Стрижова

Мой страшный 4-й курс

За полгода до моего кошмара у меня была обычная жизнь.

У меня была обычная жизнь. В хорошем смысле «обычная» – она мне нравилась. Я жила с родителями в частном доме в черте города, с мамой были хорошие отношения, а с отцом никаких – он просто иногда давал мне денег, когда я попадалась ему на глаза, иногда всей семьей ездили к бабушке в деревню. У меня не было шумной компании: фото, где я окружена больше, чем двумя людьми, были только с моих праздников дня рождения. Так получилось – все те, с кем я общалась, подрались бы, собери я их в одном помещении. Но разрозненных друзей и знакомых было много, я по большому счёту никогда не чувствовала себя одной. У меня были две очень близкие подруги, и третья – подальше, потому что после школы она уехала учиться в Саранск, а ещё куча приятельниц и приятелей, с которыми я куда-нибудь раз в один или два месяца выбиралась.

Студенческие годы оказались не тем, что о них рассказывали. Или я их проводила как-то не так. Они точно были лучше, чем школа, потому что появилась свобода. Первый год прошел в эйфории от того, что я больше никогда не зайду в свою МБОУ СОШ, которую я к концу учёбы возненавидела. Не потому, что я плохо училась, наоборот, именно потому, что я была отличницей. Второй и третий курс прошли спокойно. От школы уже отпустило, учёба ещё не надоела, а трудоустройство хоть и уже маячило, но где-то далеко. Хотя я, конечно, подрабатывала летом между вторым и третьим, а потом третьим и четвёртым курсами на складе маркетплейса. Скучно, но прибыльно, так я накопила на телефон, потому что родителям было бесполезно объяснять, какая там камера... На складе чувствовала себя миньоном, только одеты мы все были в фиолетовое. Но это были серые смены с оплатой по часам, куда можно было устроиться и без высшего образования. А офис с 5/2 казался какой-то очень далёкой историей, такой же далёкой, как, в принципе, и до поступления.

Но всё когда-нибудь заканчивается – или наступает. Так закончилось ощущение космической дали взрослой жизни. И наступил четвёртый курс.

И тогда я поняла. Я всё поняла. Стало ясно как день. Ясно, что я по-прежнему без понятия, что я буду делать после выпуска. Я училась на факультете политологии. Программа ограничивалась набором теоретических дисциплин про историю, международные отношения и иностранные языки, с которыми почти наверняка ничего нельзя сделать в Рязани. Даже больше. Со временем я поняла, что это совсем не моё. Отличницей я больше не была, мне давно не светил красный аттестат. Нередко я замечала – без зависти, просто, как факт, что в тех дисциплинах, где нужно что-то большее, нежели просто зубрёжка или состряпать докладик в срок – половина моих одноклассников талантливее меня. Менеджером я была так себе, всё недоделанное я доделывала сама вместо того, чтобы пинать, мотивировать, напоминать (подставить нужное) – после чего адски уставала, а потом перестала пробовать хоть что-то организовывать и всегда брала роль исполнителя. Дипломат из меня тоже бы никакой не получился, я не умела настаивать и убеждать, когда собеседник ищет выгоду, а на манипуляции со стороны оппонента или его излишнюю настойчивость могла ответить лишь бойкотом или просто уходить. Хороший дипломат: товарищ министр, я с вами больше не разговариваю, это уже ни в какие ворота. Были ещё варианты, но по каждому из них была причина, почему я не гожусь для такой работы. Так уж получилось, что, как и в школе, я настолько с головой нырнула в учёбу, что не успела – или забыла – подумать, а зачем же я всё это учу. А главное, что мне потом с этим делать.

Сначала это было лишь неприятным наблюдением. Потом навязчивой мыслью, от которой ещё пока можно было отмахнуться. А к декабрю меня охватил такой ужас, что я чуть не завалила абсолютно всё от того, как опустились руки – я тогда впервые по-настоящему начала прогуливать – но благо, меня растолкали подруги, и я закрыла все зачёты на "хор." после недели бессонных ночей. Но это был далеко не кошмар. Кошмар начался после. После того, как я попыталась это всё как-то исправить...

*

Стоял морозный декабрь. Раньше это был любимый месяц в году, когда кажется, что в новом году всё точно получится, изменится в исключительно лучшую сторону, плохое останется позади. Но в этот раз в темноте вместо привычного зимнего уюта я видела ужас неизвестности своего будущего. Он крался ко мне из каждого неосвещённого угла. Придётся перестать учиться спустя пятнадцать лет...

Моё состояние замечали к тому моменту уже все. Я благодарна каждому, кто пытался мне помочь – мне всю жизнь везло на хороших людей. Однруппники звали погулять, даже те, с кем я раньше особо не общалась, спрашивали, как дела, просто так кидали домашку. Без них я бы сошла с ума окончательно и точно не вывезла бы зачёты. Мне говорили, что я всем помогала – и теперь помогают мне. Так я со всем справилась.

Чтобы развеяться и прийти в себя от зачётов, которые мне после того, как я почти на полтора месяца выпала из учёбы, было, мягко говоря, чуть сложнее сдать, Вадим предложил мне съездить в Москву одним днём. С Вадимом учились в одной группе. Были полудрузьями-полубывшими. Я имею в виду, постоянно на что-то друг другу намекали первые два года, каждый день переписывались ни о чём, на третьем курсе попытались превратить это в отношения, пару раз поцеловались на лавочке, но, когда начали узнавать друг друга поближе, сразу разругались всклянь из-за политики, которую мы, собственно, и изучали. Потом ещё раз поцеловались и разругались из-за религии. А потом из-за того, куда лучше переехать, в Москву или в Питер. И так по накатанной – Запад или Восток, бмв или мерседес, айфон или пиксель, Есенин или Маяковский. Поняли, что лучше бы нам вернуться к прежнему лёгкому флирту, чтобы до выпускного друг друга не убить. Мы даже вопросы вкусов типа «арбуз или дыня» обсуждали к тому моменту слишком горячо. А как разошлись – сразу стало хорошо и приятно. Мне не обязательно держаться за руки, чтобы гулять по Москве или где-то ещё, главное, чтобы рядом со мной шёл любой знакомый парень, чтобы никто не приставал и не знакомился. Я давно хотела в Москву, а он словно прочитал мои мысли. Но, как известно, на предложения бывших соглашаться нельзя, себе дороже. Мы всё-таки не были бывшими в классическом понимании, поэтому я повелась (зря). И дело не в поездке, она-то мне понравилась. Дело в том, о чём мы там договорились...

Мы приехали с Казанского рано утром и сразу пошли гулять вдоль красной ветки. Прошли всю Москву, обошли по кольцу, устали и замёрзли, погрелись и поели в каком-то кафе, первом же, где ценник за салат не превышал сумму на карте.

К сумеркам мы гуляли по парку Горького. Под ногами робко хрустел снег. Всё было голубое-голубое и морозное, свежее и настоящее. И в этом холодном синем раю нам обоим нужно было кое-что решить.

– Что ты будешь дальше делать? – спросил он.

– Весь семестр об этом думаю, и с каждым днём всё хуже. Давай о чём-нибудь другом поговорим.

– А ты что решила-то в итоге?

Вадим как всегда... Так мы всегда и ссорились – я пытаюсь сменить тему, а он мне: «нет, ну ты скажи...» Кажется, мы слишком много времени провели сегодня вместе и надо бы уезжать, в идеале на разных поездах.

– Ничего.

– Так у нас неделя осталась.

– Чего? – удивилась я.

– Прогуляла что ли? А ты в беседу не заходишь вообще? – провоцировал он.

– Не твоё дело, – огрызнулась я, но не слишком заносчиво, чтобы он не обиделся и сказал мне самое важное, – Может, и прогуляла... В чём суть?

– Ты спи иногда, говорят, помогает... Короче, мы можем сейчас, как нормальные люди, писать диплом. Но есть второй вариант – взять доп курс. Это на семестр дольше. То есть все уходят на преддипломную практику, а мы ходим на пары, как обычно. С сентября ещё семестр учимся в другом корпусе. Зимой выпуск.

– Ничего себе, – я такого не ожидала, – А ты что выберешь?

– Доп курс, – уверенно ответил он. – Между тем, чтобы писать диплом, и чем угодно я выберу что угодно.

– А это точно легче? – спросила я, поднимая голову вслед за поднимающимся от слов паром.

– Не знаю. Но знаю, что не хочу писать диплом.

– Заманчиво... – улыбнулась я. – А это какой корпус?

– На Высоковольтной. Он не к нашему универу относится, у них там какие-то контракты, в магистратуру так заманивают или типа того. Я всё узнал уже. Там тоже жёстко, иногда по пять пар в день, ещё учить новый язык с нуля, доп пары по зарубежной истории страны третьего языка, ещё какая-то дичь. Участие в конференциях, но это профанация, про эти конференции за пределами корпуса никто не слышал. Доклад по бумажке перед своими прочитать, грубо говоря. Лишний семестр позора – и ты бакалавр. И никаких полян для комиссии. А, и большинство пар по вечерам, хоть поспать можно будет нормально, а не вот это в час пик в маршрутке в 8 утра... Из минусов только шестидневка.

Я почувствовала вкус к жизни: от того, что можно отсрочить страшный неведомый выпуск на целый семестр, плюс лето. Мне не нужен был ни этот курс, ни магистратура, но мысль о выпуске загоняла меня в панику. Когда же я думала о том, что впереди целый год, мне сразу становилось спокойнее. Мне нужно было это время: время всерьёз подумать, кто я и чего хочу. А вечерние пары вообще оставались моей несбыточной мечтой.

– Сколько мест?

– Пятьдесят из наших ста пятидесяти. Половина просто не захочет, а остальных будут брать по успеваемости. Ты точно пройдёшь. Я, наверное, тоже. Попробуешь?

– Да.

– А ты слышала, что говорят об этой программе?

– Я не слышала даже про эту программу, – напомнила я, – А что говорят? Что она сложная?

– Не, не... Это тоже, но не только. Что там люди пропадают. Студенты. На вечерних парах. Формально там просто половина отчисляется, потому что сложно. Но слухи... Что у них контракт с какой-то сектой, что людей продают, что их прямо на кафедре едят, что там пиковая дама с матершинным гномиком, аномальная зона, чёрная дыра и секретные фсб-шные лаборатории для опытов. Как тебе больше нравится, так и объясняй. Почему там больше половины доучиться не может.

– Потому что они прогуливали? – засмеялась я. – И вызывали пиковую даму вместо того, чтобы делать домашку?

– Как ты? – опять спровоцировал он, но я не обиделась.

– Как я, да... Но я больше так не буду. Это была ошибка.

– Ясно-понятно. А если серьёзно – да, я думаю, там просто чуть пожестче с посещениями. Но я уже безработный, можно и на пары ходить. Так-то у нас на сессиях тоже не мало отлетают.

– Я туда только ради аномальной зоны переведусь, – ответила я с энтузиазмом. – А то, что на кафедре кровь пьют – так это везде. Тоже мне проблема.

– Правильно, – улыбнулся Вадим.

Мы дальше ходили по парку молча, смотрели на леденеющую реку. Такая сказочная русская зима. Всё, что можно было обсудить, мы обговорили. Мне было намного, намного легче. Я верила, что этот курс мне что-то даст – чтобы я нашла себя и работу.

*

Новый год я отпраздновала как типичная студентка своего столетия, то есть дома с родственниками. Все мои подруги тоже праздновали дома. А в компанию к Вадиму я бы не рискнула сунуться в такую ночь. Вот вам и 4-й курс.

После сдачи сессии отправила заявку на программу. Даже призадумавшись о том, что же там, действительно, за программа такая, что она может заменить дипломную работу, даже подумав о слухах и отчислениях – я всё же решила попробовать. К тому же, это последняя попытка ухватить глоток «того самого» студенческого воздуха, в которую я, впрочем, не слишком верила.

В феврале меня одобрили. На зимней сессии в шаге от свободы отлетело ещё несколько человек. Какая разница, отчисляются там или здесь. А мы остались.

Вообще, я была не одна такая неопределившаяся, просто я как-то очень резко это осознала и слишком сильно расстроилась. Вся наша группа, даже весь поток, если честно, кто в лес, кто по дрова. Ситуацию можно описать примерно так: все эти люди знали английский, историю и литературу. Кто-то хотел на истфак, но родители отговорили. Кто-то не прошёл на менеджмент. Кому-то подошёл бы филфак, но они сами не знали, что с таким образованием потом делать. Кто-то передумал получать переводческое из-за развития автоматизированных систем. Кого-то родители заставили, потому что здесь платное было дешевле. Кто-то ткнул пальцем в небо и заодно в перечень направлений Рязанского гуманитарного. Я поступила именно так. В старшей школе была так занята подготовкой к вступительным, что совсем не успела подумать, зачем же я их сдаю. Ещё человек десять поступили на политологию, потому что хотели именно сюда. Половина из них разочаровались в направлении, а половине понравилось – рада за них, но, как говорится, не от всего сердца.

Последний семестр в нашем корпусе был унылым, потому что две трети потока и все остальные четверокурсники ушли на преддипломную практику: опустели наши аудитории, опустел корпус. Мы чувствовали себя беззаботно, как когда-то на третьем курсе – впереди лето, а выпуск только в следующем году – но сквозил лёгкий бриз одиночества. Многим не хватало друзей, которые редко выбирались погулять из-за диплома – мои ответственные подруги вообще сутками могли даже на контакт не выходить, но скоро у нас всех начали формироваться новые связи: начинали общаться те, кого раньше даже просто рядом и представить было сложно.

Лично я стала больше времени проводить с Варей. У нас завязалась необычно молчаливая дружба. Можно сказать, на тот момент мы даже не были близки. Ей просто нравилось обниматься на переменах, когда она уставала от учёбы. Причём не так важно, со мной, с другими одногруппницами или одногруппниками – парнями, ей просто нравилось обниматься. Такой человек, и похожих я не встречала. Мы не разговаривали толком, она ни с кем особо не разговаривала, поэтому за все четыре года ни разу не поссорилась, даже когда группа во мнениях делилась пополам. Иногда мы стояли рядом и смотрели в окно. Мы были одного роста, вплоть до сантиметров.

Я периодически залипала на её фотографии, она минимум раз в месяц что-то выкладывала. Больше всего она любила фотографироваться в закатном солнце. Дело в том, что она была поразительно рыжая. Такие прямые, медно-рыжие, густые волосы. Она их в прошлом году отстригла в каре, за которое её ругали все, кто только мог, из старших, конечно – роди-

тели, бабушки, препода. У неё даже глаза были с этим медным оттенком, такие рыже-карие, не передать. И, конечно, веснушки. Я нигде не видела такой внешности, хотя наш поток набирали словно в модельном агентстве. Она постоянно что-то рисовала, носила везде с собой краски, в которые она плевала, когда под рукой не было воды. Могла засмотреться на синичку и нарисовать потом почему-то динозаврика. Я же кисточку даже не умела держать в руках, и меня это завораживало – собственно, поэтому мы так много времени стали проводить вместе, когда мои прежние подруги не ходили больше на пары – она рисовала, а я сидела и смотрела, как она рисует. Это успокаивало, я терпеть не могла на переменах что-то повторять, а к телефону лучше во время отдыха не прикасаться – меньше знаешь, крепче спишь, как говорится: стоит единожды зайти в чат группы – и уже оказывается, что за пятнадцать минут нужно приготовить четыре реферата. Лучше смотреть, как Варя рисует динозаврика, а на семинаре надеяться, что не успеют спросить. Обычно прокатывало. Ещё она картавила, и «Варя» с картавой «р» звучало как другое, только её имя. На дизайн бы ей поступить, но она рассорилась на этот счёт с семьёй – и четыре года всё равно рисовала (на парах, разумеется, тоже), брала заказы. Она копила на курс – чтобы была хоть какая-то дизайнерская корочка. Типичных художниц её возраста обычно представляют как девушек в очках с кучей значков на рюкзаке и цветными волосами – она почти такой и была. Весь рюкзак (точнее, все рюкзаки) она завешала значками с к-поп знаменитостями. Блэк пинк, Стрей кидс и прочие, прочие. Фанатела невероятно – говорила, семейное: папа по Наутилусу, сестра по какому-то труднопроизносимому, а она – по к-поп. Очки у неё тоже были, но она их носила только на парах, а волосы, конечно, не красила – кошунственно было бы трогать этот медно-рыжий цвет. Я потихоньку начинала погружаться в её мир – пока так, трогала ножкой температуру поверхности – она была совсем из другой, непривычной мне материи – но главное начать. Сколько же разных людей в мире всё-таки, каждый человек в жизни давал мне что-то новое.

Моя внешность мне тоже нравилась. Русые волосы и зелёные глаза отлично сочетались с именем Алёна. И на телосложение жаловаться не приходилось – спорт, идеальный имт, всё, как я хотела. Но как бы я ни была довольна собой, порой закрадывались мысли, а каково это, быть *ей*... Хотя, наверно, такие мысли возникали у всех, кто когда-то видел Варю.

А что до самого семестра, мы даже не почувствовали разницу с предыдущим. Добавились какие-то дисциплины, продолжились старые, в основном по языкам. Начали в контексте мировой истории чуть подробнее проходить восточку – мне не привыкать слушать про Азию после Вари. Добавился ещё один язык, и меня что-то дёрнуло выбрать немецкий. В целом приемлемо.

Лето прошло, как обычно. Весь июнь учебный, половина июля сессия, подработка и август на отдых. Съездили с семьёй в Абхазию полежать на пляже, увиделась со всеми подругами, съездила в Питер с самой близкой на три дня. Смотрела, как им вручают аттестаты – подумала, может, надо было с ними – была бы уже свободным человеком (только оглядываясь назад, понимаю, что я упустила), но переубедила себя, что сделала правильный для себя выбор. Наивно ждала приключений в новом семестре, гадала, как там, в новом корпусе с новыми преподами. Дура. Я тогда не знала, что меня ждёт.

*

После каникул мы встретились у порога этого заведения. Рыжее такое здание в стиле коммунистического ампира с золотыми буквами над входом. Колонны с белыми украшениями, серп и молот, все дела. Очень большое – огромная центральная часть, два крыла, обнимающих всех, кто заходит в ворота, а от них вглубь тянулись серые кирпичные пристройки восьмидесятих. Везде четыре этажа, зато какие высокие потолки – корпус был выше соседних пятиэтажек. Во двор вели арки в крыльях. За ним футбольное поле, а потом городской парк. Перед универом клумба, которую можно обойти с двух сторон – две двери в чёрном чугунном заборе, памятник Гагарину ровно посередине. Здесь, говорят, ещё в середине века планировали что-

то технарское. Технарский универ открыли сильно позже, на Ленина. Иронично, что такого же жизнерадостно рыжего цвета. А здесь открыли сборную солянку из всего, что только можно придумать, кроме медицины. Хотели рязанский МГУ, а получилось чёрт-те что и сбоку бантик, ещё и обозвали Рязанским Городским. Думаю, в такой цвет покрасили, чтобы было веселее. Но студентов на это веселье не пригласили, только преподав. Нас вообще никто не думал приглашать. Все зашли уже, даже первокурсники. А мы стояли. Пятьдесят человек неуклюже переминались с ноги на ногу около входа.

– Уважаемые студенты... – раздалось с крыльца, и мы все разом туда повернулись. – Приглашаем вас в стены нашего университета.

Мы медленно друг за другом в полной тишине поднялись по лестнице. На входе никто не смотрел даже на наши студаки, но всем обещали выдать пропуска. Тут бы надо было почувствовать подвох, но мне такая беспечность не показалась странной. И не такое видели. Я шла рядом с Варей. Слева от неё вприлипку шёл Толя, потому что она ему нравилась. Он был чуть выше нас, немного полноватым, но это его не портило, даже наоборот. У него были тёмно-русые волосы и голубые глаза. Мне он казался очень симпатичным, а Варя была равнодушна. Жаль, очень жаль, какой-то глупый треугольник получается, где никто и ни с кем. А справа от нас тёрся Вадим. Потому что ему нравилась я, но только если мы по-настоящему не вместе. Были ещё наши одгруппники, с которыми мы мало общались, как-то всё вчетвером. Из нашей группы всего десять, а из двух других групп – по двадцать, не очень равномерно, но вроде как, почти все, кто хотел, прошли на программу.

Это здание мне нравилось гораздо больше того, в котором мы учились четыре года до этого. Здесь были высоченные, метра по четыре, потолки, широкие каменные (может быть, даже мраморные, я в этом не разбираюсь) лестницы, старый тёмный паркет «ёлочкой», огромные окна с овальным верхом в рекреациях напротив лестниц, горшки с фикусами-пальмами на подоконниках. Была только одна особенность. В коридорах на этажах не было света. Эти коридоры были очень длинные, тянулись до крыльев здания, потом ломались ровным углом, разветвлялись и шли дальше, до упора. С обеих сторон коридоров были двери в шахматном порядке, соответственно, не было окон. Если посветить фонариком в потолок коридоров, там виднелись огромные люстры, которые отбрасывали жуткие тени в форме чертей. Нам объяснили, что в этих люстрах слишком много лампочек старого образца (так и сказали: видимо, решили, что современные студенты не знают понятия «лампочка накаливания»), и поэтому они жрут слишком много электроэнергии. Но, если честно, казалось, что всё только ради этих теней, чтобы мы дёргались, когда попадаем фонариком в потолок. Помимо центрального входа, были входы в каждом крыле, со своими гардеробами, но пройти в крылья можно было только через второй и третий этажи. Мы договорились осмотреться после пар в первый же день, было очень интересно.

Первая пара прошла в формате лекции в очень длинной аудитории с таким количеством парт, что я даже считать не берусь. Их было просто бесконечно много, причём эффект добавлял их размер – сантиметров тридцать в ширину, помещалась только одна тетрадка и то, если сильно её не наклонять. Вообще можно было брать ноутбуки и печатать лекции в досх, но тетрадь была как-то полегче в переноске, в маршрутке так гораздо удобнее, поэтому я не переходила на электронный формат: мой старенький ноутбук весил как чугунный. К тому же, быстро печатать на клавиатуре несколько мешала длина моих ногтей.

Мы сидели за партой так, как и шли – Толя, Варя, я и Вадим, умещалось ровно по четыре человека. Мы оказались примерно в середине этой бесконечной поточки: и первые, и последние парты занимали так быстро, как будто играли в «стулья». Правда, вместо стульев были скамьи, такие же узкие, как и сами парты. В аудиторию зашёл преподаватель в костюме-тройке с галстуком, и мне впервые в жизни в голову пришли мысли о привлекательности препода. Ему на вид было не больше тридцати, я подумала, может, вообще аспирант, у него была без-

упречная осанка, а в придачу лицо и причёска английского лорда из классического романа. Я шепнула Варю на ухо, что он ничего такой, но она только помотала головой – я вообще ни разу ещё не замечала, чтобы ей нравился кто-то, кроме корейцев.

Препоп представился как Николай Николаевич и без лишних вступлений и приветствий начал объяснять нам основы логики: А, В, С, чёрточки, умножения и вот это всё. Такого предмета на гуманитарном направлении не ожидал, наверное, никто, но в целом, мне всё было понятно – хотя бы начало хорошее, а что будет, когда предмет начнут усложнять, посмотрим потом.

Следующая пара была уже на другом этаже, из аудитории было целых три выхода – логично, сказала бы я после предмета логики, но я пошла через тот, который был ближе к доске, хотела посмотреть поближе на препода. Определённо мой типаж. Но когда я подошла ближе, меня настигло первое разочарование в этих стенах – ему было не меньше сорока, это я издали не рассмотрела морщины. Неприятно. Во-первых, так не интересно, во-вторых, надо бы проверить зрение, как-то я слишком сильно возраст скинула для той парты, за которой мы сидели. Вдруг оно падает уже, может, очки понадобятся купить, чтобы глаза отдыхали. А Варя, наверное, благодаря очкам получше его разглядела, и теперь мне было даже смешно.

В первый же день мы отсидели пять лекций подряд. Ради справедливости, по сравнению с другими преподами Николай Николаевич и вправду был почти наш ровесник, с остальных чуть ли не песок сыпался. Но благодаря акустике аудиторий всех было относительно слышно, особенно если не забиваться куда-то в конец (на этот моменте наша четвёрка разделилась по половому признаку, и парни выбрали дальние парты), по тексту лекций ничего сказать не могу, записывала я быстрее, чем думала, а нам просто начитывали материал. Осознавать услышанное надо будет дома. Тут объясняющий и ждущий, когда до нас дойдёт, Николай Николаевич опять отличился.

После пяти лекций осматривать универ никто не остался, все поехали домой. Я была несколько разочарована и уговорила одноклассников хотя бы на завтра, когда у нас на одну пару меньше. Но сама для себя я всё же прошла – одна.

На центральной лестнице между четвёртым и третьим этажом я услышала мяукавшую кошку. Я никак не ожидала, что здесь могут быть питомцы, но из интереса и любви к животным попыталась её найти. Однако сделать это у меня не получилось, я просто бегала между этажами за протяжным «мяу». Когда я уже было плюнула на это дело, то на втором этаже увидела на подоконнике кошачий силуэт. Так радостно подбежала к кошке – а это была картонка. Просто картонная фигура кошки, украшение на окне. Больше никто не мяукал. Мне стало не по себе.

*

Второго сентября опять были лекции, семинары обещали на следующей неделе – в целом, логично. Первые две вела женщина лет пятидесяти, у которой был тихий мурлычущий голос, настолько сонный, что я чуть не уснула сама и пропустила не меньше двух третей информации, в том числе о том, как её зовут. Вторые две вёл Тимофей Александрович, он был постарше, но держался бодрее – сова. Он был невысокий и какой-то квадратный: квадратное туловище, идеально квадратный пиджак и квадратное лицо, даже рот открывался квадратом, как у щелкунчика. Он вёл мировую историю – нам её решили запустить по кругу: скучно, но нам же проще.

После пар мы собрались нашей маленькой компанией из десяти человек: я, Варя, Вадим, Толя, Лариса – отличница-одиночка, которая ни с кем не дружила и ни с кем не ссорилась и красила волосы в чёрный, Кирилл, похожий на Есенина, Лёня – самый странный парень, от которого всегда неприятно пахло, но зато волосы у него были такой длины, что любая рапунцель позавидует, Федя – парень в очках и с гитарой, который носит клетчатую рубашку и есть в любом коллективе, Соня – в прошлом спортсменка и ныне активистка, которая обычно дружила с девочками из параллельных групп, и Боря, который обычно ходил не чаще двух раз в

неделю. Этой компанией мы начали общаться как раз в прошлом семестре, и потому успели друг к другу привыкнуть.

По поводу того, что мы все, даже Боря, отучились целых два дня без единого пропуска, Федя решил устроить квартирник. Феде не нужен был повод, он придумывал его только для нас. Мы согласились на пять новых песен, чтобы точно успеть осмотреться и уехать потом домой. Уселись в центральной рекреации на третьем этаже на подоконнике. Я смотрела в окно, потому что не знала слов песни и не могла влиться в хор.

Есть что-то в сентябре особенное, точно есть. Будто что-то заканчивается и одновременно начинается. Я очень любила первые холода, первые жёлтые листья на берёзах, любила даже плакаты «скоро в школу» – они напоминали мне о том, что мне туда больше никогда-никогда, к моему огромному счастью, не надо. Любила, как зажигались фонари в сентябрьских рязанских сумерках. Федины аккорды немного мешали наслаждаться этим временем, и для полноты картины я решила чуть приоткрыть окно. Чуть-чуть не получилось: проветривание было сломано, и я открыла его настежь, шепнув рядом стоящей Соне, что если ей будет дуть, то я закрою.

– Не отругают? – улыбнулась Соня.

– Да они что-то даже на гитару внимания не обращают, – сказала я. – Очень люблю сентябрь, воздух особенный, – меня потянуло на откровенность. – Какой твой любимый месяц?

– Май, – ответила она. – Но нет у природы плохой погоды, мне кажется. Подвинешься чуть-чуть, я к тебе сяду?

Подоконник был широкий, было удобно, а вдвоём – так вообще, как будто мы дети, которых наконец-то оставили без присмотра, у меня поднималось настроение. Хотелось подвигаться так, чтобы Соня тоже могла сесть у самого окна. Я опиралась на оконную раму одной рукой, второй придерживала сумку, и тут на раме попало что-то острое, на что я надавила всем своим весом. Рука рефлекторно согнулась, я даже вскрикнуть от боли не успела, как впала в оцепенение от того, что за спиной не было ничего, и я отклонялась вниз – мне это виделось, как в замедленной съёмке, в которой я прекрасно осознавала, с какой скоростью я на самом деле...

Меня за талию схватила Соня. Я подтянулась к ней, и она стащила меня с подоконника прямо на пол, меня ноги не держали от испуга, а её от моей тяжести.

– Ты чё... – она меня обнимала так, что было тяжело дышать, – Алён, тебе рано ещё. Ты нам нужна, нельзя так... Широкий подоконник такой, ты как?..

Я пыталась перевести дыхание и немного прийти в себя. Обнимала Соню с самой сильной в жизни благодарностью. Мы сидели в абсолютной тишине, Федя перестал играть.

– Там что-то острое было, – прошептала я, – Не знаю. Спасибо...

Она гладила меня по спине, я начала тихонько покачиваться из стороны в сторону. Потом я как-то успокоилась – и заметила, что испачкала Сонину кофту кровью с ладони.

– Соня, прости, пожалуйста, – я попыталась от неё оторваться, – Я порезалась... Перекись есть?

Как и следовало ожидать, перекиси ни у кого не оказалось. Я была готова пройти и так, перевязав ладонь салфеткой, посмотреть универ, как мы планировали, но одnogруппников я напугала больше, чем испугалась сама, и никто не соглашался. Мы шли к выходу. По дороге вниз я извинялась перед Соней и рассказывала, как той же перекисю вывести пятно, но она, кажется, и так на меня не обижалась. Вот только было одно «но». Когда мы спустились, гардероб был закрыт, ни наших, ни чьих-то ещё вещей в нём не было. Иной раз куртку можно перепутать, а при должной наглости кражи случались и под камерами, но нельзя же вынести десять курток за раз. Предположим, не все пришли с верхней одеждой, но даже пять-шесть незаметно не получится. Мы стояли в недоумении. Здесь говорить было – только портить, и мы молча переглядывались. Несколько минут. Тишину нарушил Вадим:

– Пофиг, я так пойду.

Я пошла за ним, но у двери врезалась в его спину, потому что он резко остановился.

– Закрыто.

– Так не бывает.

– Через крыло?

Мы пошли обратно вверх, было одновременно и не по себе, и смешно, мы перешучивались, что нас теперь в буквальном смысле не выпустят до конца семестра. Или мы им так понравились, что нас не выпустят больше никогда.

На втором этаже мы заблудились. Выхода на лестницу в крыло не было, хотя нам казалось, что мы дошли до конца каждого из ответвлений в крыле, потом мы пошли на третий, а у коридора словно появилось свойство растягиваться, как у лизуна. На третьем этаже мы наконец-то дошли до левой лестницы, спускаясь по которой, мы обнаружили... второй этаж? Ровно там, где мы и остановились. Первым на смех пробрало неугомонного Вадима, а потом всех остальных, мы смеялись над коллективным топографическим кретинизмом, что нас в группу набрали только по этому критерию, но это было в большей степени нервное.

На следующем пролёте мы встретили незнакомого препода.

– Ребят, вам не сказали? Ваши вещи перенесли в правое крыло, остальные выходы закрыты, охранники ушли, – сказал он и, не дождавшись нашего ответа, почему-то резко развернулся и пошёл обратно вниз, передумав подниматься.

Мы послушно пошли в другое крыло. Как и обещали, там были наши вещи и недовольный охранник, который буркнул только, что мы поздно уходим и в следующий раз не выпустит. В какой-то мере справедливо.

На улице Вадим, посмотрев в телефон, спросил нас:

– Как думаете, сколько мы туда-сюда ходили?

– Полчаса, – предположил Кирилл.

– Нет. Ещё?

– Минут двадцать, – сказала Соня.

– Да, – ответил Вадим. – Только час. Час двадцать.

Не поверил никто – каждый лично проверил время. А так и было. Час двадцать.

*

В плане пар и домашних ничего особо не отличалось от той учёбы, к которой мы привыкли, но здесь... была какая-то другая *атмосфера*. Может, из-за акустики: странное эхо, поразительная слышимость в коридорах – чужой шёпот был слышен даже тогда, когда было не видно тех, кто шептал. Иногда было слышно кошек с улицы через закрытые окна, я всё пыталась их найти, но не находила, за три недели не увидела ни одну кошку на территории вуза – зато хотя бы картонок больше не было. Может, эту атмосферу создавали вечерние пары. Иногда из окон был виден закат, тогда всем было так сложно не отвлекаться на него от учёбы. Но большую часть времени мы словно проводили там ночью. Кто-то из местного руководства дал знак экономить на электричестве, и в коридорах редко включали свет, а окна были только на лестницах и в центральных рекреациях. Из-за этого бывало, что потоки, выходящие из аудиторий и светящиеся фонариками на телефонах, сталкивались, извинялись, наступали друг другу на ноги, слепили фонариками друг друга, задевали сумки и что-то роняли. Уверена, так познакомилась и сошла не одна пара – самая лучшая история для ответа на вопрос «мама, папа, а как вы познакомились». Даже как-то не ссорились из-за отдавленных ног, все понимали, что дело в освещении. Но такие толкучки происходили только до шестой пары, когда мы могли пересекаться с теми, кто учился в первой половине дня. После шестой здесь поразительно быстро пустело. Будто и не было никого, кроме нас.

А иногда мне казалось, что там не было никого, кроме меня.

Только я и темнота. И бесконечно отражающееся эхо, словно от тех голосов, которые звучали здесь несколько часов или дней назад. Или, может быть, десятков лет...

Было легко заблудиться. Что уж говорить, если мы заблудились вдесятером. Чем меньше людей, тем сложнее найти выход. Указатели есть, но их нужно поймать в луч фонарика, а у них словно было свойство от него убегать. Чем меньше спишь, тем сложнее найти выход. Чем позже время, тем сложнее найти выход. А с каждым днём меньше спишь, на пары приходят меньше людей, а задерживаться приходится позже. Из этого вытекает немудрёное следствие...

Планировка не запоминается, нет. Чтобы запомнить дорогу, нужно её видеть. Я не летучая мышь. И мои одноклассники – не летучие мыши, поэтому каждый день мы искали путь заново. Но как-то мы ещё держались. Старались уходить вместе, шутили, смеялись над тем, что мы похожи на слепых котят. Многие вместе ехали на маршрутках, у меня же с этим были проблемы, потому что конкретно в моём районе из одноклассников не жил больше никто.

Три недели поездок с пересадкой мне надоели страшно. Ехать на пары было вполне приемлемо, так как я ехала в середине дня к трём-четырёх часам, даже садилась спокойно, часто у окна. А вот обратно домой уехать было просто невозможно – транспорт на остановке переставал ходить ещё часов в восемь – это вам не центр, откуда даже в десять можно в целом уехать (вопрос – куда). Я то тратилась на такси, то шла пешком несколько остановок, садилась на самую близкую маршрутку и потом опять шла пешком по нашему частному сектору. На дорогу я тратила либо больше часа, либо больше пятисот рублей, и уже казалось, что проще будет ходить полностью пешком, не заморачиваясь. Причём такси я недолюбливала, не все водители могут ехать молча и спокойно, а когда ты двадцатидвухлетняя девушка (абсолютно любой внешности, к сожалению), думаю, комментарии излишни. А как я представила, что выпадет снег, и общественный транспорт встанет в принципе...

Был ещё человек с такой же проблемой – Варя. Она вообще таскалась через весь город, и даже не представляю, сколько на такси приходилось тратить ей. Проблему нужно было решать, потому что она мешала учиться: кучей бестолково потраченного времени, сбитым режимом и испорченным настроением. Я сначала очень серьёзно поговорила с Варей, которой моя идея сразу понравилась, а потом с мамой, которая сначала была категорически против, но потом я ей показала историю оплаты такси, и её отпустило. Так мы с Варей стали искать квартиру рядом с универом.

Выбрали мы достаточно быстро, всего за вечер, на следующий день позвонили, договорились посмотреть. Хозяйкой была милая бабуля, которая очень дружелюбно и коммерчески правильно продала нам это предложение. Заселились мы буквально за пять дней. Это была однушка на четвёртом этаже в хрущёвке, в ней было маленькое абсолютно всё – кухня, ванная, комнатка, но главное – чисто, приятно, уютно и прямо напротив универа, окна выходили на его парадный вход на уровне золотых букв по центру. В комнате была кровать и раскладной диванчик, мы с Варей сразу договорились, что я на диван. Из неудобств был разве что сервант с посудой во всю стену (бабуля сказала, дети отказались забирать, а ей ставить некуда), а для одежды шкаф был крохотным, но мы как-то не планировали сильно наряжаться в универ, а на выходных можно и домой заехать. На полу лежал выцветший ковёр, который мне захотелось свернуть, а для Вари он представлял какую-то художественную ценность, поэтому мы оставили. Балкона не было, плита газовая. Стол, к сожалению, был только один и на кухне, но вдвоём мы там умещались. Так мы и переехали. Я обычно ворочалась по ночам, засыпала долго, но Варе это не мешало, потому что она надевала беруши и маску, после чего её сложно было разбудить, даже если делать это целенаправленно. В быту мы сошлись, но, на удивление, как и прежде, почти не разговаривали, просто молча делали дела, и всех всё устраивало.

Друг от друга мы не уставали. Уставали от учёбы. Задавали нам больше, чем когда-либо за всё обучение в универе. Мы не высыпались, из-за наличия всего-то одного выходного компенсировать недосып почти не удавалось, и последствия с каждой неделей чувствовались

всё сильнее. Меня иногда переглячивало, особенно к вечеру, к последним парам, когда, как говорится, котелок уже не варил. Я могла просыпать, меня расталкивала Варя, могла забыть закрыть дверь, хотя раньше таким не страдала. Может быть, потому что квартира не моя, но я так старалась держаться. Иногда я чувствовала, что мы не разговариваем уже не потому, что нам хорошо молчать, а потому что не хочется ни с кем говорить.

У преподав была коллективная привычка задерживать нас после последней пары, именно тогда, когда больше всего хочется домой. Было правда сложнее, чем всегда. Настолько сложнее, что через месяц нас осталось сорок три. Отчислились семь человек, из них один из нашей подгруппы – Боря. Такого мы не ожидали. При всём его наплевательстве на посещаемость, контакт он поддерживал почти со всеми, а перед отчислением никому ничего не сказал. Перестал отвечать на сообщения всем, кроме двух лучших друзей, да и им – лишь формальное «устал» – и больше ничего.

*

Уставали все, уставали на парах, дома, в дороге. На одной из перемен ко мне подошла очень бледная Соня и сказала, что ей плохо, началась мигрень, идти домой она не могла. Я поймала ближайшего препода, узнала, где находится медпункт: конечно же, в самой далёкой от нас точке универа, на первом этаже, а мы в тот моменты были на четвёртом. Я взяла её за локти, и мы пошли вместе. Она попросила подождать её у двери, медсестра не пустила меня с ней. Я присела на лавочку и уткнулась от скуки в игру в телефоне. Прозвенел звонок на пару. Между прочим, на пару к Николаю Николаевичу я действительно хотела пойти. Подождала ещё пять минут. Потом постучалась в кабинет, дверь открыла медсестра, закрыв собой вход, и сказала, что занята: пришлось ждать дальше. Я просто сидела и играла в сабвей сёрф, так увлеклась, что незаметно прошло минут двадцать. Спohватившись, я снова постучала – медсестра опять буркнула, что занята и захлопнула дверь прямо перед моим носом. Я постучалась ещё раз – она в ответ щёлкнула замком изнутри. А я всего лишь хотела спросить, что там с Соней. Я стала ходить взад-вперёд, с каждой минутой всё больше волновалась и злилась. Скоро терпение лопнуло, я постучала и со стуком громко через дверь спросила, что с моей подругой и нужна ли ей помощь. Медсестра вдруг открыла дверь нараспашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.